

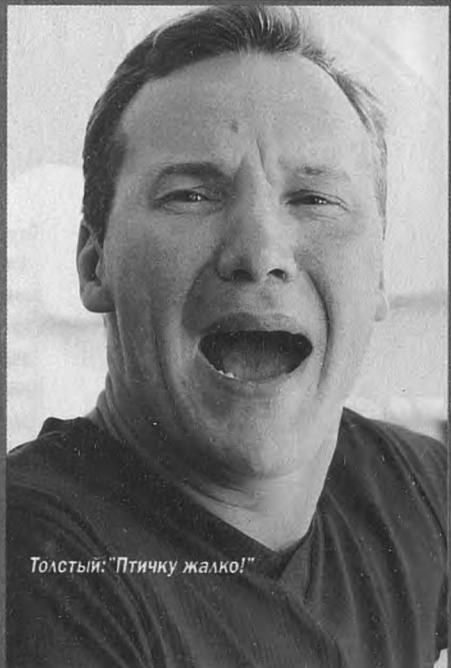
ТОЛСТЫЙ ТОНКИЙ

Огромный, застенчивый, медлительный. Скорее спортсмен. Боксер. Десантник. Дальнобойщик. Но не артист. Артисты другие — раскованные, легкие, феерические... А он до сих пор сомневается, что его актерская судьба состоялась. Боится взглянуть. Подвести четкую черту. А пора уж. Хотя уверен: Москва, вообще-то не верящая слезам, его приняла и полюбила. Жилплощадью поделалась. Ну а зрители... Если б вы видели, что творится при появлении сей мощной фигуры Толстого на публике в российской глубинке... Как его рвут на части, выражая нечеловеческий восторг, ТВ-сериальные поклонники разного пола и возраста... Он для них свой, родной и близкий. Сомнительная, скажете, слава? Возможно, если не знать журавлевского характера.

АНАТОЛИЙ ЖУРАВЛЕВ:

“У нас с Маяковским одинаковые размеры”

Толстый: “Птичку жалко!”

— В “Дне рождения Буржуя” ты проходишь как Толстый. Хотя, на мой взгляд, это несправедливо — у тебя отличная фигура. Кстати, в детстве не дразнили?

— Очень редко Толстым, больше Жора-обжора.

— Почему?

— Фамилия — Журавлев, может, от этого.

— А покушать-таки не любил?

— Любил. Поэтому и “обжора”. То есть если Жора — то, значит, и обжора. А еще и — мать-пьяница. Полностью: “Жора-обжора, мать-пьяница”. Дразнилка такая.

— В лоб не давал за такие слова?

— Давал. Но только один на один. А это редко бывало. Обычно на меня сразу несколько шло. Я ж учился в школе-интернате. Там обстановка не для неженки.

— И хотел быть... летчиком, как отец?

— Нет. Я хотел быть милиционером.

— Из-за красивой формы?

— Из-за книжки “Дядя Степа”. Я ее обожал. Дядя Степа, который был и милиционером, и конькобежцем, и кого-то там из огня вытаскивал...

— Геройская такая натура. А ты по характеру скорее робкий или наглый?

— Робкий.

— Странно, с такой серьезной внешностью...

А что это была за история, когда ты птичку какую-то подстрелил?

— А-а, там была эпопея. Мы тогда все стреляли из рогаток — по лампочкам, по стеклам, по банкам-бутылкам. Естественно, и у меня была рогатка. Классная такая — из жгута, прорезиненная. Очень сильная, мощно била. И однажды я подстрелил красивую птичку. Не могу описать, что почувствовал. После этого я уже не брал в руки ни рогатку, ни самострел, ничего. И до сих пор не охочусь.

— Правда, что в интернате дети пить, курить и все остальное начинают одновременно?

— В общем, да. Я тоже курил с третьего класса. Но в пятом бросил, потому что уехал из нижегородского интерната — переехал к бабушке. И начиная с пятого класса меня воспитывала бабушка.

— А как насчет бокса? Сдается мне, он был в твоей жизни — результат как бы налицо...

М.И. Бучков — 2006 — 23 фев 28-10

315